

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ШВЕЙЦАРИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2014 г. Александр Анатольевич Трефилов¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с заключением под стражу в швейцарском уголовном судопроизводстве по новому УПК 2007 г., вступившему в силу 1 января 2011 г. Автор делает вывод о значительном своеобразии данного процессуального института в рассматриваемом правовом порядке по целому ряду причин: его дифференциация, создание судов по вопросам мер принуждения, отсутствие верхнего предела срока пребывания лица под стражей.

Annotation: Article regards questions connected with confinement under guard in modern criminal process of Switzerland according to the new Code of Criminal Procedure in 2007, entered into force on January 1, 2011. Author came to conclusion about distinguishing features this institution difference of confinement under guard, creation of courts for procedural compulsion, absence of upper limit for confinement under guard.

Ключевые слова: заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии.

Key words: confinement under guard, Criminal Procedure Code of the Switzerland.

Одной из актуальных проблем современного уголовного судопроизводства Швейцарии является поиск оптимального построения норм о заключении под стражу. Во многом это связано с тем, что данная мера принуждения² ограничивает важнейшее естественное право человека на свободу. Как справедливо пишет судья Кантонального суда Санкт-Галлена П. Гвидон, «меры принуждения интересны не только потому, что они относятся к повседневной деятельности органов уголовного преследования, но и по той причине, что они регулярно затрагивают основные права соответствующих лиц»³. В процессе работы над УПК Швейцарии 2007 г.⁴ разработчики Кодекса с опорой на правовую доктрину⁵ неоднократно рассматривали вопрос, каким должно быть правовое регулирование заключения под стражу, чтобы оно отвечало и осуществлению права на защиту, и интересам расследования. Проанализируем на опыте Швейцарии ключевые аспекты данного института, представляющие интерес для сравнительно-правовых исследований.

Первый вопрос. Какое место занимает заключение под стражу среди мер принуждения? Поскольку в целом ряде

основополагающих международно-правовых документов закрепляется неотъемлемое право каждого на свободу⁶, заключению под стражу отводится исключительное положение в большинстве современных уголовно-процессуальных систем. Одни страны пришли к этому раньше, другие позже⁷, но сейчас такое понимание является общеевропейским стандартом. Вместе с тем в сравнительно-правовом контексте можно выделить два основных подхода к решению вопроса о том, как оно соотносится с другими мерами принуждения. Английская модель предполагает их взаимное противопоставление: законодатель выделяет только заключение под стражу и так называемый *bail*⁸, к которому относятся различные альтернативы заключению. Для романо-германских процессуальных систем такой подход не характерен: несмотря на особое положение заключения под стражу, иные меры, как правило, имеют вполне самостоятельный характер. Какое значение имеют данные модели? С одной стороны, они связаны с выбранной законодателем юридической техникой, а с другой – показывают, насколько автономна каждая мера принуждения, не связанная с заключением под стражу.

УПК Швейцарии в данном вопросе свойственны черты, характерные для английской модели⁹. Законодатель разграничивает заключение под стражу и так называемые

¹ Аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (E-mail: trefilovaa1989@gmail.com).

² Поскольку швейцарскому уголовному процессу неизвестно разграничение мер процессуального принуждения на задержание, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения, то, исходя из буквального перевода термина «die Zwangsmaßnahmen», в данной статье будет использовано лаконичное собирательное понятие «меры принуждения».

³ Guidon P. Die Schweizerische Strafprozessordnung // Jusletter 15. September 2008 // <http://st-gallerjuristenverein.ch/P.Guidon%20-%20Die%20Schweizerische%20Strafprozessordnung.pdf> (Дата обращения: 1.01.2014).

⁴ См.: <http://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html> (Дата обращения: 1.01.2014).

⁵ По данному вопросу в этой стране существует обширная научная литература: Donatsch A., Hansjakob T., Lieber V. Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO). Zürich, 2010. S. 1078 – 1154; Forster M. Art. 220-233; Härrli M. Art. 234-236 // Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. Basel, 2010. S. 1451–1563; Hansjakob T. Zwangsmaßnahmen in der neuen Eidg. StPO // ZStR. 2008. № 126. S. 90 ff.

⁶ См.: Статья 1 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 5 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

⁷ Так в соседней относительно Швейцарии Франции, как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «исключительный характер данного института был предусмотрен ещё Законом от 14 июля 1865 г.» (Головкин Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 126).

⁸ В юридической литературе справедливо отмечается, что любое оставление на свободе лица, в отношении которого есть основания для заключения под стражу, в Англии понимается как *bail* (см.: Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 111).

⁹ Вместе с тем в Швейцарии, в отличие от Англии, перечень мер процессуального принуждения является строго закрытым. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 197 УПК 2007 г. меры процессуального принуждения могут быть предписаны, только если они предусмотрены законом.

“альтернативные меры принуждения” (*die Ersatzmassnahmen*), к которым относятся залог, изъятие документов или официальных бумаг, возложение обязательства находиться только одному или с кем-либо в определенном месте или жилище, регулярно отмечаться в соответствующих органах, выполнять определенную работу, подвергнуться медицинскому лечению или контролю, запрет вступать в контакты с определенными лицами.

Второй вопрос. Дифференцирует ли законодатель заключение под стражу? В настоящее время в большинстве государств данная мера пресечения представляет собой единую правовую конструкцию, а в нормативно-правовых актах устанавливаются лишь особенности ее исполнения, например для несовершеннолетних, военнослужащих и т.д. В качестве примера можно привести УПК Франции (ст. 137)¹⁰, Германии (§ 112–130)¹¹, Австрии (§ 173–181)¹², Лихтенштейна (§ 125–137a)¹³.

Швейцарский законодатель в этом вопросе придерживается подхода, не характерного для европейских правовых систем: УПК 2007 г. разграничивает самостоятельные процессуальные конструкции: так называемые “досудебное заключение под стражу” (*die Untersuchungshaft*) и “судебное заключение под стражу” (*die Sicherheitshaft*)¹⁴. Чем же они отличаются друг от друга? По смыслу ст. 220 данного Кодекса, досудебное заключение под стражу представляет собой изоляцию обвиняемого от общества, которая начинается с ее предписания судом по вопросам мер принуждения и завершается после направления обвинения в суд первой инстанции, досрочного исполнения санкции, связанной с лишением свободы, или освобождения обвиняемого во время досудебного заключения под стражу. В качестве судебного заключения под стражу понимается сходная мера в период между направлением обвинения в суд первой инстанции и вступлением в законную силу приговора, предписывающего лишение свободы или освобождение. Следовательно, основное различие состоит в том, на какой стадии уголовного процесса избирается и прекращается данная мера принуждения.

В швейцарской науке обоснованно отмечается ещё одно важное различие между ними – их целевая направленность¹⁵. Досудебное заключение под стражу главным образом необходимо для того, чтобы обвиняемый не препятствовал собиранию доказательств. К моменту рассмотрения дела по существу они уже получены. Следовательно, больше нет

необходимости строго изолировать лицо от общества (при отсутствии опасности побега). В связи с тем, что никаких других различий между досудебным и судебным заключением под стражу кодекс не предусматривает, данное разграничение представляется несколько искусственным и формализованным, поскольку у них единое содержание – лицо в обоих случаях помещено в соответствующее государственное учреждение, обеспечивающее строгую изоляцию от общества.

Нельзя пройти мимо ещё одной интересной особенности данного института в швейцарском УПК. Если лицо было оправдано судом первой инстанции, но прокурор немедленно подал апелляционную жалобу, то суд вправе оставить оправданное лицо под стражей (ч. 2 ст. 231). Судебное заключение под стражу продолжится. На первый взгляд логика законодателя понятна: лицо может скрыться, опасаясь, что вышестоящий суд отменит приговор. Вместе с тем для большинства европейских правовых систем такой подход не характерен¹⁶, поскольку он противоречит принципу презумпции невиновности и существенно снижает значение оправдательного приговора. Получается, что независимо от того, какой приговор вынесен, лицо все равно может быть оставлено в заключении под стражей.

Третий вопрос. Кто уполномочен предписать заключение лица под стражу в досудебном производстве?¹⁷ Сравнительно-правовой и исторический анализ позволяют выделить три законодательных решения. Инквизиционный подход¹⁸ (условно назовем его так) – предполагает, что данную меру принуждения избирают должностное лицо или орган, ведущий производство по делу. Так, средневековый следственный судья “выезжал” на место преступления, производил процессуальные действия, устанавливал обвиняемого, заключал его под стражу и в конечном итоге сам выносил ему приговор. В наше время указанные должностные лица могут либо состоять в судебном корпусе, если предварительное следствие носит судебный характер (в качестве примера уместно привести французский УПК 1958 г.¹⁹), либо, наоборот, не принадлежать к нему, если оно возложено на прокуратуру и иные внесудебные органы (в частности, речь идет о советском уголовном процессе после 1928 г.)²⁰. В обоих случаях суть законодательного подхода одна и та же: функции расследования и заключения под стражу *de facto* строго не разделены, поскольку осуществляются в рамках одной ветви власти

¹⁰ См.: http://www.oas.org/juridico/mla/fr/hti/fr_hti_mla_instruction.html#_Toc37075855 (Дата обращения: 22.10.2013).

¹¹ См.: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/stpo/gesamt.pdf> (Дата обращения: 22.11.2013).

¹² См.: [http://www.jusline.at/Strafprozessordnung_\(StPO\).html](http://www.jusline.at/Strafprozessordnung_(StPO).html) (Дата обращения: 22.11.2013).

¹³ См.: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=234980 (Дата обращения: 22.11.2013).

¹⁴ Перевод данных уголовно-процессуальных терминов является авторским, поскольку в Швейцарии не существует единой категории, обозначающей заключение под стражу. Очевидно, понятия “*die Untersuchungshaft*” (*die Untersuchung* – следствие, *die Haft* – заключение под стражу) и “*die Sicherheitshaft*” (*die Sicherheit* – безопасность, *die Haft* – заключение под стражу) не следует воспринимать буквально, поскольку первое пришлось бы перевести как “следственное заключение под стражу”, а второе – как “заключение под стражу, направленное на обеспечение безопасности”, и их подлинный смысл остался бы неясным. Гораздо важнее то, на какой стадии процесса они применяются: *die Untersuchungshaft* предписывается в досудебных стадиях процесса, а *die Sicherheitshaft* – в судебных.

¹⁵ См.: Forster M. Art. 220. № 3 // Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Op. cit. S. 1453; Donatsch A., Hansjakob T., Lieber V. Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO). Zürich, 2010. S. 1090.

¹⁶ В частности, российский законодатель в ст. 312 УПК придерживается диаметрально противоположного подхода относительно швейцарского законодателя.

¹⁷ В судебном производстве данный вопрос всегда является исключительной прерогативой суда.

¹⁸ В данном случае речь не идет исключительно об инквизиционном типе уголовного судопроизводства.

¹⁹ В соответствии с Законом от 15 июня 2000 г. заключение под стражу отнесено к компетенции “судьи по свободам и заключению”, который входит в судебный корпус (см.: Головкин Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юрид. фак-та МГУ. Кн. 11. М., 2009. С. 334).

²⁰ Такой подход можно встретить и на постсоветском пространстве. Яркий пример – УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г., устанавливающий в ч. 2 ст. 119, что на стадии предварительного расследования заключение под стражу, домашний арест и залог могут применяться прокурором или его заместителем либо министром внутренних дел Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместителем Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь – директором Департамента финансовых расследований или лицами, исполняющими их обязанности, либо органом дознания, следователем с санкции прокурора или его заместителя, а на стадии судебного разбирательства – судом.

(даже если эти полномочия реализуют различные должностные лица). Состязательный подход (данное название также во многом условно) – предполагает, что предварительное расследование производит один орган, а заключение под стражу избирает другой – им может быть только суд. При этом вполне возможно, что именно этот орган в дальнейшем будет рассматривать данное уголовное дело по первой инстанции. В качестве примера УПК РФ 2001 г. И хотя законодатель предпочитает определенные усилия²¹, всё равно не исключается, что дело попадет на рассмотрение именно к этому судье, поскольку многие районные суды в нашей стране являются односоставными. Новейший состязательный подход (такое название, на наш взгляд, наиболее удачно показывает его место в историко-правовом контексте) предполагает, что вопрос о заключении под стражу решает не просто суд, а специально уполномоченный, обособленный судебный орган, который ни в организационном, ни в функциональном отношении не связан судом первой инстанции и которому предстоит рассмотреть дело по существу. В настоящее время такой подход в полной мере реализован в отдельных швейцарских кантонах, например в Берне²². В отличие от Франции, где была введена должность “судьи по свободам и заключению”²³, и Германии (§ 115 УПК ФРГ), в которой данные полномочия возлагаются на одного из судей компетентного суда, швейцарское законодательство допускает создание на уровне кантонов коллегиально действующего суда по вопросам мер принуждения²⁴.

Одна из главных новелл принятого в 2007 г. УПК Швейцарии – создание новой ветви в судебной системе, которую образуют суды по вопросам мер принуждения (“*die Zwangsmassnahmengerichte*”), статус которых определен в Законе об организации органов уголовного судопроизводства Федерации (*das Bundesgesetz über die Organisation der Strafbehörden des Bundes*) от 19 марта 2010 г. В соответствии с данным Законом и с УПК они являются единственными в Швейцарии органами, уполномоченными предписывать в досудебном производстве заключение под стражу²⁵.

Далее следует проанализировать два момента: 1) являются ли данные суды обособленными от других государственных органов и 2) в каком составе они функционируют. Первое. Необходимо иметь в виду, что согласно Посланию Федерального собрания от 21 декабря 2005 г. “кантоны в значительной степени свободны в том, какой субъект наделить функциями суда по вопросам мер процессуального принуждения: обособленный от иных госорганов суд первой инстанции, суд по вопросам мер принуждения, палату суда первой инстанции...

или единоличного судью”²⁶. В законодательстве некоторых из них предусмотрено, что данный орган самостоятелен. Так, суд по вопросам принуждения кантона Берн согласно ст. 1 Регламента данного органа от 14 сентября 2010 г.²⁷ является автономным и самоуправляемым. Судьи назначаются по представлению Совета судей Верховным судом кантона (ст. 4) и не могут занимать другие государственные должности на срок своих полномочий. В кантоне Санкт-Галлен, напротив, суд по вопросам мер процессуального принуждения в структурном отношении строго не отделен от Суда Кантона. Согласно ст. 4 Положения о данном органе (*die Verordnung über das Zwangsmassnahmengericht*) от 18 октября 2010 г.²⁸ судьями являются назначенные Судом кантона (*das Kantonsgericht*) штатные и внештатные члены районного суда (*das Kreisgericht*). При этом подлежит применению ч. 2 ст. 18 УПК Швейцарии, согласно которой члены суда по вопросам мер процессуального принуждения в том же самом деле не вправе действовать в качестве судей, рассматривающих его по существу.

Второе. Нужно иметь в виду, что федеральное законодательство в судах по вопросам мер принуждения допускает рассмотрение дела различными составами суда. Тем не менее, несмотря на “большое пространство для региональной децентрализации, для выбора между коллегиальным и единоличным составом суда”²⁹ законодательство, в частности Берна³⁰ и Санкт-Галлена³¹, допускает только единоличный порядок рассмотрения дела.

Целесообразно ли нашей стране ориентироваться на швейцарский опыт в данном вопросе? С одной стороны, прогресс данной реформы налицо, и она имеет некоторые неоспоримые преимущества. Если один и тот же орган решает вопрос о заключении под стражу и рассматривает дело по существу, то вынесение оправдательного приговора может оказаться затруднительным, поскольку у судьи уже, возможно, сложилось внутреннее убеждение в виновности данного лица. С другой, – одобряя саму концепцию швейцарской реформы, следует констатировать, что для внедрения ее на российскую почву необходимо тщательно проработать и обсудить данный вопрос. В качестве компромиссного варианта в УПК можно предусмотреть императивную норму, согласно которой безусловным основанием для отвода судьи при рассмотрении дела по существу является его участие в процедуре по избранию меры принуждения или по санкционированию следственного действия³².

²¹ Так, Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ в ст. 109 УПК РФ была введена ч. 13, согласно которой не допускается возложение полномочий, предусмотренных настоящей статьей, на одного и того же судью на постоянной основе; эти полномочия распределяются между судьями соответствующего суда в соответствии с принципом распределения уголовных дел.

²² Вопросы организации кантональных судебных и иных правоохранительных органов единый УПК Швейцарии 2007 г. относит именно к ведению кантонов.

²³ Головки Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство. С. 334.

²⁴ См.: <http://www.admin.ch/opc/de/federal-gazette/2006/1085.pdf> (Дата обращения: 1.01.2014).

²⁵ Согласно ч. 1 ст. 18 УПК “суд по вопросам мер принуждения компетентен выносить постановление о досудебном и судебном заключении под стражу и, поскольку это предусматривает данный закон, постановление о санкционировании продления мер принуждения...”. В соответствии с ч. 2 ст. 224 УПК Швейцарии “если подозрения в совершении преступления и основания для заключения подтвердились, то прокуратура заявляет ходатайство перед судом по вопросам мер принуждения...”.

²⁶ <http://www.admin.ch/opc/de/federal-gazette/2006/1085.pdf> (Дата обращения: 1.01.2014).

²⁷ См.: http://www.sta.be.ch/belex/d/1/162_121.html (Дата обращения: 1.01.2014).

²⁸ См.: <http://www.gesetzessammlung.sg.ch/frontend/versions/884> (Дата обращения: 1.01.2014).

²⁹ Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel, 2009. S. 57.

³⁰ Согласно ст. 61 Закона об организации судебных органов и прокуратуры от 11 июня 2009 г. “кантональный суд по вопросам мер процессуального принуждения действует в качестве единоличного суда” (“Das kantonale Zwangsmassnahmengericht entscheidet als Einzelrichter”) (см.: http://www.sta.be.ch/belex/d/1/161_1.html).

³¹ Согласно ч. 2 ст. 15 кантонального Вводного закона к швейцарскому Уголовно-процессуальному и ювенальному Уголовно-процессуальному кодексу от 3 августа 2010 г. “судьи суда по вопросам мер принуждения принимают решения единолично” (“Zwangsmassnahmenrichterinnen und -richter entscheiden einzelnrichterlich”) (см.: <http://www.gesetzessammlung.sg.ch/frontend/versions/542>).

³² По нашему мнению, если односоставный районный суд рассмотрел вопрос об избрании меры принуждения или санкционировании следственного действия, то в законе можно было бы предусмотреть возможность рассмотрения дела по существу в суде ближайшего района.

Четвертый вопрос. Кого можно заключить под стражу? Вопреки кажущейся ясности сравнительно-правовой анализ позволяет выделить несколько законодательных решений. Французский подход предполагает, что данную меру можно применить исключительно к лицу, в отношении которого ведется производство по делу³³ (ст. 137 УПК). Немецкий подход, напротив, допускает возможность своего рода “квазизаключения под стражу” в качестве меры принуждения также и в отношении свидетеля³⁴, который отказывается давать показания (§ 70 УПК ФРГ). Согласно ч. 2 данного параграфа для принуждения свидетеля к даче показаний может быть предписано его заключение (*die Haft*). Однако его сроки не должны превышать окончания производства в суде первой инстанции или срока более 6 месяцев. Конечно, можно возразить, указав, что по сути это – обычный административный арест, но при внимательном рассмотрении обнаруживаются различия: указанное заключение свидетеля не мыслится в отрыве от расследования и рассмотрения конкретного уголовного дела и оканчивается вместе с ним. Следовательно, речь идет именно о мере принуждения, а не о наказании.

Швейцарский законодатель придерживается французского подхода. И досудебное, и судебное заключения под стражу могут применяться только к обвиняемому. Более того, любые меры принуждения, которые затрагивают права не обвиняемых, а иных лиц, должны назначаться “особенно сдержанно” (ч. 3 ст. 197). Думается, это наиболее подходящее решение анализируемого вопроса.

Пятый вопрос. Какова максимальная продолжительность заключения под стражу? Компаративистский анализ позволяет выявить три законодательные модели. Сверхжесткий подход предполагает, что в УПК императивным образом установлен максимальный срок заключения под стражу. Даже с учетом допустимости его продления четко установлен верхний предел. В качестве яркого примера можно привести ст. 159.7.4 УПК Азербайджана от 14 июля 2000 г., согласно которой максимальный срок заключения под стражу, допустим, по делам об особо тяжких преступлениях составляет 12 месяцев (в силу ст. 162.5.2 если суд не успел рассмотреть дело в этот срок, то в обязательном порядке следует изменить меру принуждения на более мягкую). Жесткий подход исходит из того, что верхний срок заключения под стражу установлен, но допускается его продление. При этом в Законе не указано, на сколько суток он может быть увеличен (в судебном разбирательстве). Установлены лишь способы его определения. Типичный пример – УПК России (п. 1 ч. 8 ст. 109). Мягкий подход предполагает, что верхний предел срока действия данной меры принуждения в законе вообще не установлен. Примером такой модели выступает Швейцария. Разработчики УПК исходили из того, что каждое уголовное дело обладает своеобразием. Его фактическая и юридическая сложность определяется целым рядом обстоятельств: сколько у обвиняемого соучастников, сотрудничает ли он со следствием, как много экспертиз необходимо назначить и произвести и т.д. В связи с этим

заранее практически невозможно определить “усредненный” максимальный срок заключения³⁵.

УПК Швейцарии исходит из того, что при любых обстоятельствах срок содержания под стражей должен быть обоснованным. Это логически вытекает из так называемого принципа разумных сроков уголовного судопроизводства (*das Beschleunigungsgebot*; дословный перевод: “требование ускорения”), закрепленного в начале Кодекса (ст. 5)³⁶. Там же содержится правило, согласно которому, если обвиняемый находится в заключении, в отношении него производство ведется в первую очередь. Такую норму было бы полезно включить и в российский УПК. Конечно, все обвиняемые равны перед законом и судом, но, поскольку права лиц, находящихся под стражей, ограничиваются в значительно большей степени, их дела должны подлежать расследованию и рассмотрению в приоритетном порядке.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии 2007 г. при конструировании норм, связанных с заключением под стражу, занимает сбалансированную позицию, ориентированную на объективное и беспристрастное решение данных вопросов. Значительным шагом вперед стало создание отдельной ветви судов по вопросам мер принуждения, поскольку теперь судьи, рассматривающие дело по существу, смогут постановлять приговоры, не будучи “связанными” своими предыдущими решениями, касающимися судебного контроля за законностью заключения лица под стражу. Можно констатировать становящуюся общеевропейской тенденцией демократизацию данного процессуального института.

2. Вместе с тем швейцарский законодатель в отдельных случаях придерживается более строгого подхода к заключению под стражу. Главным образом это выражается в том, что

³⁵ В связи с тем, что в УПК Швейцарии не установлен верхний предел сроков заключения под стражу, достаточно часто нормы ее уголовного-процессуального законодательства и практика их применения становятся предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека. Среди других актов ЕСПЧ наибольшую известность получило решение по делу *W. против Швейцарии* от 26 января 1993 г. Краткая фабула. Гражданин W. подозревался в совершении ряда экономических преступлений и был подвергнут заключению под стражу. Обвинения были связаны с деятельностью примерно 60 контролируемых им швейцарских и иностранных компаний и выдвинуты также против 11 его соучастников. Следствие проводилось двумя специально назначенными судьями. Оно касалось проверки примерно 200 банковских счетов, включало около 350 допросов заявителя, его сообвиняемых и других лиц. При этом было составлено 711 томов основной документации по делу в дополнение к оригинальным документам, которые заняли 120 метров полок. Выявленный по делу ущерб был оценен по меньшей мере в 50 000 000 швейцарских франков. Заявитель подал 8 ходатайств об освобождении из предварительного заключения. Все они были отклонены. Суд по уголовным экономическим преступлениям кантона Берн после разбирательства, длившегося около 6 недель, признал его виновным в должностном мошенничестве, злостном банкротстве, подделке документов и умышленном незаконном ведении дел компаний. Он был приговорен к 11 годам тюремного заключения и штрафу в 10 000 швейцарских франков; 1465 дней (четыре года и три дня), которые он провел в предварительном заключении, были зачтены в тюремный срок. По мнению заявителя, имело место нарушение п. 3 ст. 5 ЕСПЧ, согласно которой “каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию..., имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока...”. Суд, рассмотрев дело, пришел к выводу, что нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции не имело места в связи с “исключительной сложностью дела и поведением заявителя”.

³⁶ “Органы уголовного судопроизводства незамедлительно принимают уголовное дело к своему производству и доводят его без излишней волокиты до окончания” (ч. 1 ст. 5 УПК Швейцарии).

³³ Во избежание инквизиционного уклона уголовного процесса французский законодатель вместо привычного понятия “обвиняемый” использует нейтральную категорию “лицо, привлеченное к рассмотрению”.

³⁴ Когда речь идет о заключении под стражу обвиняемого, немецкий законодатель обозначает его термином “*die Untersuchungshaft*”; в данном же случае используется понятие “*die Haft*” (“заключение”).

он не устанавливает максимального срока, на протяжении которого может действовать данная мера принуждения, предоставляя широкие пределы усмотрения для прокуратуры, производящей предварительное расследование, и для суда по вопросам мер принуждения. Отсутствие правовой определенности в данном вопросе нередко обжалуется заинтересованными лицами в ЕСПЧ, поскольку оно непротиворечиво с точки зрения права каждого на справедливое судебное разбирательство в разумный срок (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

3. Отечественному законодателю следовало бы познакомиться с некоторыми нормами УПК Швейцарии, связанными

с данной мерой пресечения. Речь идет главным образом о необходимости окончательно разделить судебные функции, связанные с заключением под стражу и с рассмотрением дела по существу, а также установить в УПК РФ правило, согласно которому, если лицо находится в заключении под стражей, его дело по возможности должно расследоваться и рассматриваться в приоритетном порядке. Обозначенные законодательные предложения в полной мере отвечают современным тенденциям построения правового государства и демократического общества.